

ОТ АВТОРА

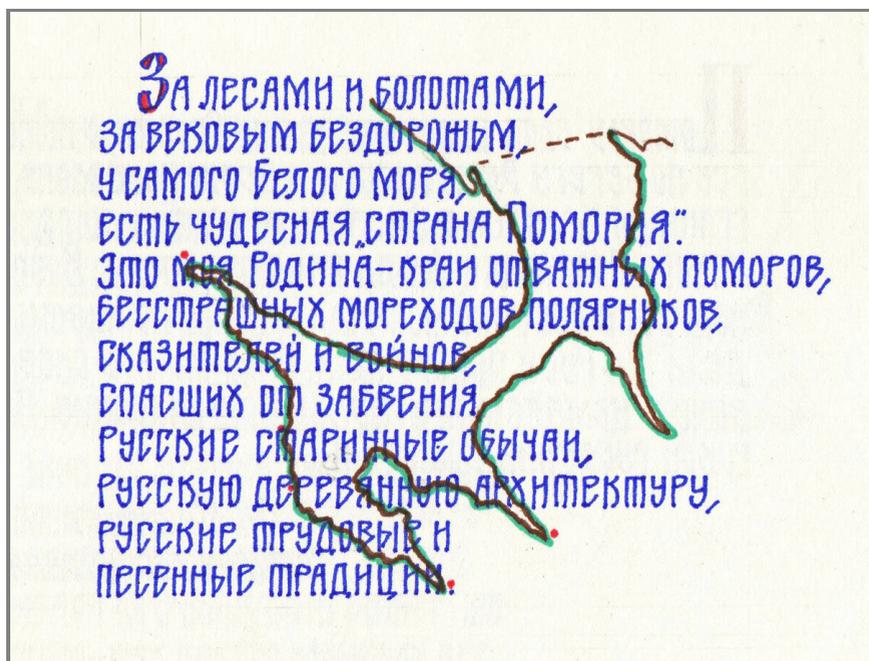
За лесами и болотами, за вековым бездорожьем, по берегу Белого моря раскинулась земля смелых, трудолюбивых, бесстрашных поморов.

Нескончаемые леса, полные зверя и птицы, реки и озера, серебряные от рыбы, белые ночи, величие северного сияния, бьющееся о скалы море – таким увидели наш край первые русские пришельцы.

Первые люди в Беломорье появились очень давно. Об этом напоминают наскальные рисунки, выбитые первобытными художниками на гранитных площадках около Беломорска. Сюжеты большинства «вечных картин» – охота и рыбная ловля. Этим же поначалу занимались русские вольные люди, проникшие к Белому морю в XI–XV веках. Они застали здесь наряду с карельскими и чудскими племенами «дикую, но миролюбивую лопь» – саамов. Все они обживали дикий край, на самодельных суденышках ходили в океан. Защищали рубежи государства Российского от иноземных захватчиков, поддерживали трудами и ратными делами царя-реформатора Петра I, возвеличивали и украшали свою землю, отвоеванную у леса, болот и моря. В середине XII века они достигли Кольского полуострова, а к концу XII века плавали на мурманский берег. Во второй половине XVI века поморы начали осваивать лов рыбы в Баренцевом море. Север играл значительную роль в экономической жизни России: снабжал рынок солью, рыбой, жиром морских зверей, смолой, в XVI веке стал центром торговли с западом, а в XVII – родиной кораблестроения и мореходства. Но трудовому народу жилось нелегко. В вечной погоне за пищей, в борьбе с суровой природой, с монахами-феодалами, кулаками-судовладельцами проходили годы, десятилетия и столетия...

Особое место в Беломорье занимает Поморский берег, или попросту Поморье. Это и есть чудесная «страна Помория», о которой я пишу, перед которой преклоняюсь. Конечно, страна не в полном смысле – это моя малая Родина, где я появился на свет, жил, узнал о ней много интересного, особенного, ни на что не похожего и решил «засвидетельствовать свое сыновство».

С глубоким уважением к своим землякам, к моей малой Родине – Унежме, писал я эту книгу, писал как мог, не имея литературной подготовки и практики. Пусть она будет моим запоздалым подарком односельчанам, родным, детям.

СТРАНА ПОМОРИЯ

До заселения русскими Беломорье было глухим и диким краем. На берегу студеного, неласкового, с холодными ветрами моря кое-где жили люди, изредка появлялись русские, финны, норвежцы, шведы, знакомились с жизнью местного населения.

Первые письменные сведения о населении побережья Белого моря оставил норвежец Отер, побывавший в нашем краю во второй половине IX в. Он сообщает, что вся эта земля пустынна и только в немногих прибрежных местах имеются поселения «лесных финнов» (что равнозначно славянскому «лопь лешая», лопари), которые занимаются охотой и рыболовством. После плавания Отера начались частые набеги иностранцев с целью грабежа, выколачивания дани, беспошлинной выгодной торговли.

В XI в. на побережье Белого моря появляются первые выходцы из Новгородской земли. Лихие новгородские ушкуйники, беглые казаки через леса и болота в поисках лучшей жизни, спасаясь от непомерных поборов и притеснений феодалов, шли в необжитые земли. Поездки на Север в то время были сопряжены с огромными трудностями и риском, требовали смелости и упорства. Никаких дорог не было, пробираться приходилось по рекам и озерам, перетаскивать суда и лодки волоком. Случалось, участники походов гибли в пути. В 1032 г. новгородец Улеб со своими людьми прошел в Белое море, но обратно возвратились не все. «Мало их прииде», – писал летописец.

Суровая и дикая природа Беломорья не пугала отважных русских первопроходцев. Невзирая на трудности и опасности, новгородцы снова и снова отправлялись в далекие неизведанные «полуночные» страны. Богатые бояре набирали смельчаков, давали им

Под сполохи полярного сиянья,
Лаптями стезьку протоптав в снегу,
Однажды к морю вышли россияне
И замерли, толпясь на берегу.

Они дивились шири необъятной,
Могучим глыбам голубого льда
И порешили не ходить обратно,
У моря поселиться навсегда.

Д.Ушаков

суда, продовольствие, оружие и отправляли «за волок». Их влекли богатства Севера: пушнина, сало морских зверей, моржовый клык, ценные породы рыб.

В древних новгородских летописях далекая северная земля упоминается как земля сказочных богатств. Землепроходцы, возвратившиеся из походов, рассказывали о дремучих лесах, полных пушного зверья, о богатых рыбой и жемчугом реках, о множестве озер, о тундре, где пасутся несметные стада диких оленей. Предприимчивые новгородцы уже в первой половине XII в. освоили пути в Беломорье и начали вести меновую торговлю с местным населением – саамами и карелами. Вначале саамы жили вместе с русскими, охотно приобретали у них изделия из железа: ножи, топоры, иглы, крючки, платя за это мехами, рыбой, моржовым клыком. Эти товары пользовались большим спросом на рынках Новгорода и всей внутренней России. Особенно дорого ценилась пушнина.

Кто же такие саамы и что это за народ? Саамы – это племя смелых охотников, метких стрелков, искусных рыбаков, неустрашимых пастухов. Не одну тысячу лет живут они в тундре. Лопь, лопари – так называли этот народ раньше. В далекой древности саамы занимали на севере Европы большие территории. Долгие годы они подвергались нападениям воинственных скандинавов, шайки которых проникали далеко вглубь их территории, отбирали у рыбаков и оленеводов добро, заставляли платить дань. Когда появились русские, саамы вместе с ними отражали нападения многочисленных врагов.

С русским народом саамы жили в мире и дружбе. От русских они научились пользоваться орудиями охоты и рыболовства, в их быт вошли дома русского типа, русская письменность, русский язык стал для них вторым родным языком. Русские приучили их носить одежду из ткани. О том, что в недалеком прошлом в Беломорье жили саамы, говорят многие географические названия. Изучением их происхождения и развития занимается наука топонимия.

Топонимика Беломорья

Топонимика Беломорья – сплав различных в хронологическом отношении пластов. Зона распространения самого древнего пласта довольно обширна и границы ее установить трудно. Этот

пласт отличается тем, что невозможно выяснить значение составляющих его топонимов, исходя из известных нам языков. К таким топонимам относятся: Выг, Суна, Ужма, Шижма, а также многие другие, оканчивающиеся на -га, -ма, -па, -кса, -та и т.д. Подобные им и даже одинаковые с ними топонимы-близнецы встречаются по всему северу Европейской части СССР. Видимо, население, оставившее их, говорило на одном языке, или на близко родственном.

По мнению ученых, расселение древних людей на территории Европейской части относится к X-IX тысячелетиям до н.э. Эти люди пришли с Урала и Западной Сибири. Спустя несколько тысячелетий, около 2500 г. до н.э., началось движение племен с юга, из Волго-Окского бассейна. Этот поток был более мощным и первые поселенцы постепенно растворялись в нем.

Следующий пласт в топонимике Севера – саамский. Саамы – наиболее древние из известных жителей Севера европейской части СССР. Саамская топонимика широко распространена на обширной территории. Она включает Коми АССР, Карельскую АССР, Архангельскую, Вологодскую, Ленинградскую области. В виду того, что она мало изучена, трудно судить о былом расселении саамов. Проживая значительно южнее своего теперешнего места обитания (Кольский полуостров), саамы оставили след в топонимике по всей территории Беломорья и Карелии. Поскольку предки нынешних саамов были немногочисленным племенем кочующих охотников, рыболовов и оленеводов, количество названий саамского происхождения невелико.

В одном из ранних русских исторических документов XVI в. говорится: «Да на Кемской ж земли жили лопари крещеные и некрещеные... по лешим озерам...» «В XVI в. лопь сохранилась в Беломорье – у Сумского Посада, на реке Шуе (северной), на реке Керети, на реке Ковде, не говоря уже о Кандалакше», – к такому выводу пришел профессор Д.В. Бубрих, проводивший исследование жизни в Беломорье. О том, что Саамы проживали значительно южнее, чем ныне, говорят и более ранние исторические памятники. В относящемся к XIV в. «Завещании Лазаря Муромского» – основателя Муромского монастыря (1332 г.) говорится: «А живущие тогда именовались около озера Онега лопляне и чудь». Подтверждением тому служат саамские названия, например, название села Нюхча в Беломорском районе КАСР. Основа этого слова «нюхч» в перево-

де с саамского означает «лебедь». Этой основы нет в других финно-угорских языках, что служит надежным доказательством ее саамского происхождения. Названия сел с той же основой (слова-близнецы) – Нюхча и Занюхча есть в Архангельской области на реке Пинеге. Вот еще топонимы саамского происхождения: Важинка (река), Важинская пристань, Верхние Важины (населенный пункт), Важозеро (все в Карелии), Важгора, Подваженье (рыболовная тоня в Архангельской области между Унежмой и Кушерекой). В основе всех этих названий – саамское слово «важ» – самка оленя. Убедительным свидетельством проживания саамов в Беломорье и Карелии служат топонимы, включающие в свой состав прежнее название саамов – лопь: Лопское озеро, Лопская река, Лопское, Лопская гора, Лопская Матка (названия населенных пунктов в КАССР).

В более близкие к нам времена состав населения изменился, тут появились карелы¹ и финны. Карельские, вепские, финские названия выделяются довольно легко. Здесь в роли топонимов выступают сложные слова: первая часть их – определение ко второй, являющейся обычно географическим термином, например Сязозеро, Водлозеро, Нижмозеро. На территории Карелии часть топонимов имеет в своем составе термин «гора» – «ваара» – «варакка»: Ноттоваракка, Малиновая варакка, Шелговаракка (Карелия), Варничная варакка, Великая варакка в Унежме Архангельской области.

Самый верхний слой в топонимике Севера – русский. Русский топонимический пласт занимает второе место после карельско-финского. Большинство русских названий сосредоточено в районах наиболее раннего и плотного заселения русскими – побережья Белого моря.

При заселении Поморья происходило смешение русского и карельского народов, которых русские называли «каянами», «кайванами», а прибрежная лопь была вытеснена еще дальше на север. В настоящее время карелы вместе с новгородскими выходцами отмечаются как природные жители в деревне Кянда Онежского района. Карелами по происхождению считают себя жители деревни Нижмозеро, обрусевшими карелами – жители деревни Пурнема, расположенной тоже на Онежском берегу. Роль карельского проис-

¹ В литературе встречается также написание «корелы». Очевидно, оба написания грамматически правильны (примечание составителя).

хождения отразилась и в названиях жителей сел: пурнемцы – католики, пушлахтяне – шведы, нижмозерцы – кайваны, каяны, что свидетельствует о выходе из Каянской земли. Такой же след оставили карелы в названиях жителей Кандалакшского побережья: жителей Ковды называли «караками», жителей Княжой – «кокарами», жителей Терского берега и Кандалакшской губы – «пеккой».

Часто изменения в национальности отмечаются самим населением и связываются в первую очередь с утратой языка. Т.А. Берштам в книге «Поморы» пишет: «Один из жителей с. Колвицы в возрасте 40 лет сообщил, что он «переродок». На вопрос, что это значит, он ответил: «Отец и мать карелы, а я переродок: дети мои на карельском языке говорить не могут».

Русское население Белого моря почти везде было связано с карелами, т.к. формирование значительной поморской территории происходило на землях, основным населением которых являлись карелы. Как отмечает Т.А. Бернштам, «особая роль в сложении поморского населения на Онежском, Поморском, Карельском, Кандалакшском берегах принадлежит карелам. Карелы вместе с русскими участвовали не только в заселении Беломорья, но и в организации океанических промыслов в западной части Кольского полуострова».

Но продолжим о топонимах. К русским по происхождению названиям относятся топонимы, образованные от собственных имен: Данилово, Андропова гора, Авдеево, Ломоносово, Петрозаводск и многие другие. А такие названия как Мирный, Полярный, Североморск, Комсомольск, Солнечный возникли уже в советское время.

Топонимы, естественно, не могут подсказать даты своего появления, но они несут приметы своего времени, когда возникли. Некоторым топонимам суждено существовать века, пережить не только своих создателей, но и тех, кто пришел им на смену в другие исторические эпохи. Топонимия не стоит на месте, и в наше время ежедневно появляются новые названия: городов, поселков, станций, районов, улиц и т.д. В советское время возникло много наименований-мемориалов в честь выдающихся государственных и партийных деятелей, людей науки и искусства, героев Гражданской и Отечественной войн (площадь Ленина, ул. Кирова в Петрозаводске, ул. Адмирала Головки, капитана Копытова в Мурманске).

В составе Новгородской республики

Кроме саамов, в Беломорье жили различные племена восточных славян, которые известны под общим названием «заволочская чудь». В XI-XII вв. усиливаются связи русских с населением Северных земель, которые впоследствии были включены в состав Новгородского княжества.

Новгородская земля, в состав которой входило Заволочье, являлась одной из крупнейших на Руси. Ее территории простирались далеко на север, включая Донскую землю и Урал. С подвластных племен новгородские феодалы собирали дань. В то время на территории Беломорья не было ни новгородских вооруженных сил, ни администрации. Новгород управлял северными землями с помощью местной знати, которая старалась сосредоточить власть в своих руках. Для достижения этого она нуждалась в поддержке могущественного Новгорода. Новгородским же феодалам было выгодно поддерживать местную знать, так как через нее они могли управлять краем. Сбор дани в пользу Новгорода осуществляли зажиточные крестьяне и старейшины.

Новгородская земля и весь Север избежали жестокого разорения, которому подверглись русские княжества в результате нашествия монголо-татарских орд. Но Север не избежал разорительных войн. На беломорские земли обрушивались удары немецких и шведских захватчиков, финнов и датчан. Население в Заволочье на вновь обживаемых русских территориях было редким, много богатых промысловых угодий пустовало, в то время как в Новгородской и других землях тысячи крестьян бедствовали, живя на «неродимой земле». В неурожайные годы они в поисках средств существования покидали родные места и шли в богатые «полуночные» страны промысливать рыбу и зверя.

Пришлые люди селились по соседству с саамами и карелами, хозяевами этих земель, рождались с ними. Там, где оседали русские крестьяне, появлялись представители новгородской власти, они проводили учет населения, заноса всех в писцовые книги, заставляя платить налоги. Спасаясь от повинностей, некоторые крестьяне уходили еще дальше на север. В первой половине XII века новгородцы и другие русские люди заселили, хотя и не густо, нижнее течение рек Северной Двины, Мезени, Онеги, побережья Белого

моря и, по утверждению К. Маркса, «Неизмеримые пространства между Ладожским озером и Белым морем, Новой Землей и Онегой были ими несколько цивилизованы».

С местным населением – саамами и карелами – русские жили мирно. Мест для промысла, пашни и сенокосов хватало всем. В русских поселенцах местные жители видели наиболее подходящих партнеров для меновой торговли. От них можно было получить сукно, пряжу, посуду, ножи, топоры, иглы, крючки. Когда у саамов случались голодные годы, они обращались к русским и русские не отказывали им в помощи. Русские принесли с собой новые формы хозяйствования – зачатки земледелия, скотоводства, более современные способы ловли рыбы. Они имели опыт в судостроении, умели вываривать соль из морской воды, выпекать хлеб, ткать, шить одежду, строить теплые бревенчатые дома.

Заселение Заволочья русскими крестьянами ускорило развитие края. В то время селиться и жить у моря было небезопасно. Морские разбойники под видом купцов могли напасть и разграбить селение, поэтому первые поморские села находились на некотором отдалении от моря, а на морском берегу жители имели избушки на время лова рыбы. Позднее, когда стало менее опасно жить у моря, из таких промысловых избушек возникли селения.

Начиная с XV в. новгородские феодалы усиливают эксплуатацию жителей и подвластных земель, бояр и купцов уже не удовлетворяет сбор дани, они стремятся создать в захваченных землях вотчины, начинают более широкое освоение природных богатств. Бояре забирают в свои руки не только свободные земли, но и земли крестьян-общинников. Они скупают пахотные, сенокосные, охотничьи угодья, рыболовные тони. Уже в середине XV века почти все земли Поморья оказались в руках новгородских феодалов. Самыми крупными из них были владения Марфы Борецкой, известной под именем Марфы-посадницы. Только в Карелии ей принадлежало 300 деревень, на берегу Белого моря Сума и другие села, большие участки на Терском берегу, острова в Белом море.

О том, что первые русские поселенцы Беломорья были потомками выходцев с Новгородской земли, подтверждается особенностями говора постоянных жителей Поморья. Например, вместо звука «ч» они, как и новгородцы, употребляют звук «ц» – «цай», «целовек», «цорный», и т.д. Поморские жители называют юго-западный ветер «шелонником», также как его называли древние новгородцы – по имени реки Шелонь, впадающей в озеро Ильмень с юго-западной стороны.

Для укрепления своей власти новгородцы начали вводить христианство, которое внушало народу смирение и покорность перед богатыми и имущими. Христианская церковь начинает строить монастыри, чтобы укрепить новую веру в народе.

Монастыри постепенно захватывают и скупают землю у крестьян и заставляют их платить подати или работать на монастырских землях. Таким образом, монастыри были для крестьян такими же эксплуататорами, как и новгородские феодалы – бояре. Беломорская знать признала новую веру, а вот большинство простого народа упорно не хотело ее признавать и долго придерживалось своих прежних языческих обрядов.

Земли «за волоком» (Заволочье) – бассейн Северной Двины, Онеги, Белого моря, сыграли большую роль в истории нашей страны, они стали исходным пунктом для продвижения на север и восток. Отсюда поморы шли к «Соловецкой пучине», а выйдя из нее, открывали новые земли, архипелаги, морские пути. От перепутья северных рек начиналась великая дорога в Сибирь. К концу XIV в. Заволочье (Двинская земля) превратилось в довольно населенную и экономически развитую область. Сюда из центра России продолжали бежать крестьяне. Они расчищали леса под покосы, разводили скот, занимались вываркой соли, охотой на зверей, рыбным и мор-

ским зверобойным промыслом. Во многих местах, в том числе и на Беломорском берегу, появились посады – торгово-промышленные поселения, сложилось собственное боярство. Орлец-городок, центр края, имел каменные укрепления. К тому времени Двинская земля объединяла все Беломорье, бассейн Северной Двины, Онеги, Мезени, Кольского полуострова.

В 1397 году Двинская земля решила освободиться от власти Новгорода. Новгородцы подавили восстание и взыскали штраф: 3000 коней и 2300 рублей серебром. Штраф по тем временам был огромный – один рубль приравнивался к 100 беличьим шкуркам. Уплата такого штрафа была под силу богатой и обжитой земле. В 1471 году, потерпев поражение в битве на реке Шелони, Новгород Великий уступил Двинскую землю московскому князю Ивану III, а через семь лет потерял самостоятельность и вместе с северными землями, включая Лапландию, вошел в состав единого Российского государства.

Период, в течение которого Беломорье входило в состав Новгородского княжества (нач. XII – кон. XV вв.), характеризовался значительными изменениями в жизни северных народов. За этот период окончательно разрушился первобытно-общинный строй, на смену ему пришел феодальный. Несмотря на усиливавшуюся эксплуатацию крестьян, феодальные отношения были более прогрессивными, чем первобытно-общинные, и способствовали более быстрому развитию Беломорских земель. Между Беломорьем и Новгородом усилились торговые связи, для удовлетворения потребностей новгородского рынка получили дальнейшее развитие охота, рыболовство, морские промыслы, солеварение. В XIV–XV вв. на Двинской земле возник целый ряд торговых районов и поселков. В новгородский период упрочились и политические связи населения Беломорья с русским народом. В совместной борьбе с общими врагами – немецкими, шведскими и другими захватчиками – еще более окрепла дружба народов, их судьбы оказались тесно связанными.

Москвы уголок

После падения Новгорода все земли на Севере были переданы в собственность государства – как тогда говорили, «отписаны на государя». Крестьяне Беломорья стали считаться «государственными».

ми» и обязаны были нести возможные повинности в пользу московского Великого князя. В Заволочье, после перехода его под власть Москвы, сложилось большое неравенство в землепользовании. Богатые имели в несколько раз больше земли, чем бедные, часть жителей, бобыли и казаки, совсем ее не имели. Летом они работали у богачей на рыбных промыслах, зимой – на солеварнях. Некоторые плотничали, занимались работой по найму.

В отличие от средней и южной России, крестьяне Беломорья кроме подворной подати платили в государеву казну два крупных сбора: десятину с промысла, то есть десятую часть выловленной рыбы, и пошлину от продажи своих продуктов. Те, кто занимался солеварением, обязаны были платить цренный оброк – налог с доходов от солеварения. Сбором подати и пошлин занимались старосты и данники, которые выбирались на сходах из местных жителей, в основном из более имущих крестьян. Управление и суд в Беломорье осуществлялись через двинского наместника, который подчинялся Москве. На местах всеми делами управляли старосты. Для решения важных вопросов и исполнения правительственных поручений с Двины присылали приказных людей и судей.

Поморье и монастыри

Покорив Новгород, Москва подтвердила право Соловецкого монастыря на Беломорские владения, понимая, какое огромное стратегическое значение имеют Соловки, находясь по соседству с «землей Каянской и Свейской», откуда можно было ждать нападения. В вотчинах Соловецкого монастыря безраздельно хозяйничали монахи. Земля, сенокосные угодья, лес, рыболовные тони, морские промыслы – все принадлежало монастырю. Даже крестьяне считались монастырскими. Все люди были переписаны, на всех трудоспособных велись долговые записи и никто не мог от них избавиться. Кроме всех перечисленных налогов и сборов, монастырские крестьяне должны были платить ключничью повинность в пользу ключника – лица, ведавшего хозяйством монастыря.

Нелегким был труд беломорских крестьян и еще безрадостнее жизнь. За неуплату податей, сборов, невыполнение повинностей монахи жестоко наказывали, проводили «правеж» – насильственное взимание налогов. Рост эксплуатации, ухудшение экономического

положения, разорение вызывали сопротивление крестьян. 70-е годы XVII в. были ознаменованы грозными крестьянскими восстаниями – Степана Разина на юге и Соловецким на севере. Монахи, а вместе с ними и работные люди не признавали Никоновских церковных реформ, не приняли исправленных новых книг по богослужению.

Царь Иван III, присоединив Беломорье к Московскому государству, ликвидировал вотчинные владения новгородских бояр. Разбросанные на огромном пространстве, удаленные от центра страны, Беломорские земли считались неподходящими для раздачи их служилым людям, поэтому дворянских поместий на Севере не было. Феодалами здесь являлись монастыри. Правительство покровительствовало монастырям, давало им всевозможные привилегии и льготы, освобождало от повинностей, закрепляло земли и крестьян, предоставляло самостоятельность в управлении и суде. Некоторым из них государственная казна регулярно выдавала жалование – ругу. Все это позволяло монахам жить безбедно, в сытости и довольстве. Монастыри стремились эксплуатировать не только стекавшихся к ним людей, но и местное крестьянское население. Монахи нередко захватывали у крестьян сельскохозяйственные и промысловые угодья. Обстановка на Севере благоприятствовала этому: монастыри не встречали противодействия светских феодалов – бояр и дворян. Правительство, видя в монастырях опору самодержавной власти, не препятствовало расширению их владений за счет земель крестьян, тогда как в центре страны оно всячески сдерживало рост монастырского землевладения, поскольку землями дворяне вознаграждались за службу.

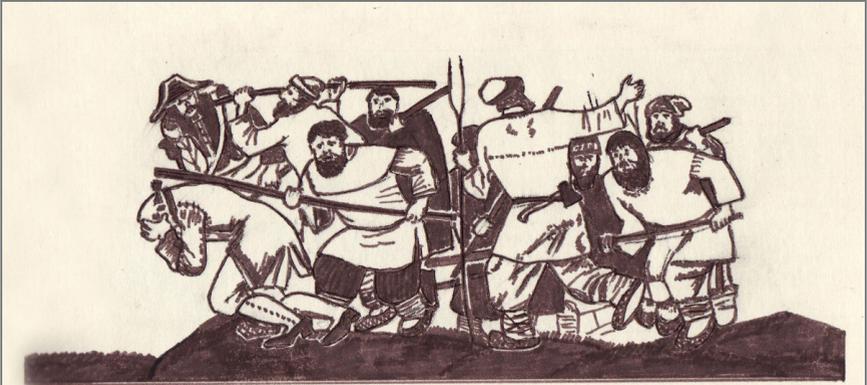
Монахи пользовались каждым удобным случаем, чтобы увеличить земельное владение своего монастыря. Когда крестьянина постигало какое-нибудь несчастье: погребло судно или снасть, сгорела изба, пала корова, не было средств для обзаведения новыми орудиями лова – «на помощь» приходили монахи. Они давали ссуду, а если крестьянин не возвращал долга к сроку, то все его имущество и угодья переходили в собственность монастыря. Монахи страшали муками ада, «божьей карой» за грехи и предлагали делать пожертвования: вклады «по душе», «на помин души» были важным источником богатства монастырей. Монастыри, приобретая промысловые сельскохозяйственные угодья, превращались в крупнейших феодалов. Наиболее энергично вели наступление на крестьян Бело-

морья Соловецкий монастырь, Николо-Карельский, Антониево-Сийский (около Холмогор).

Развитие феодальных отношений в Беломорье ускорила опричина Ивана Грозного – система мер, направленных на усиление самодержавия и крепостничества. В 1565 г. страну разделили на «опричнину» – территорию, непосредственно управляемую царем, и «земщину», которой ведала старая боярская дума. Двинская земля отошла в «опричнину», а волости по побережью Белого моря и Кольского полуострова остались в «земщине». Разделив страну, царю было удобнее бороться со своими политическими противниками и укреплять диктатуру феодалов.

Жители опричных территорий благодаря покровительству царя оказались в более выгодном положении, чем земские. Когда возникала тяжба между опричными и земскими людьми, дела решались в пользу первых. Чувствуя за собой силу царя, жители опричных территорий всячески притесняли, издевались над земскими, особенно часто занимались этим двинские богачи и промышленники, бравшие на откуп сбор десятины в Поморских волостях. Они предъявили жителям Варзуги иск на 450 рублей якобы имевшегося за ними долга. Это был надуманный, ложный иск, и варзужане его отклонили. Тогда двиняне подали царю жалобу на «мятежных» крестьян. В 1568 г. царь направил в Беломорье карательный отряд опричников во главе с Басаргой Леонтьевым, которому поручил наказывать не только варзужан, но и крестьян других поморских сел. И начался «правеж». Опричники и двинские богачи – предъявители иска – силой забирали крестьянское имущество, «секли и развозили дворы варзужан». Большая часть населения бежала от карателей на Онегу, Двину, в Поморье.

Почти начисто разорив Варзугу, опричники такому же разгрому подвергли Умбу, Кандалакшу, селения по Карельскому и Поморскому берегам. Поморы лишились промысловых судов, рыболовных снастей, у многих не было продуктов питания, одежды, обуви, пряжи для изготовления сетей, домашней утвари. Население гибло от голода и болезней. Через семь лет, в 1575 г., царский писец Василий Огалин, объясняя огромную убыль податного населения в Поморье, писал: «А запустели те волости от Двинского иску, от Басаргина правежу, от голоду и лихого поветрия (эпидемии)».

В XVI-XVII веках в России усилились крестьянские волнения. В 1568 году жители некоторых районов Беломорья отказались платить непосильные налоги. Для наказания „непокорных“ из Москвы бы направлен отряд опричников, во главе с басаргой Леонтьевым.

Хозяйственной разрухой и обнищанием поморов не замедлили воспользоваться северные монастыри. Они по дешевке скупали у крестьян их угодья, брали к себе на содержание престарелых, немощных людей – при условии, что после их смерти вся земля и имущество перейдут к монастырю, давали нуждающимся под залог ссуды на обзаведение хозяйством, предоставляли в долг под высокие проценты продукты питания. Большинство крестьян не могли вовремя погасить долг и теряли право на землю. В короткий срок владения монастырей достигли огромных размеров. Больше всех захватил Соловецкий монастырь.

В 1581 г. Троице-Сергиевский монастырь (недалеко от Москвы) добился у правительства отдачи на Терском берегу «на оброк», то есть в пользование за особую плату, вносимую в царскую казну, 29 тонь и четырех рек, которые до этого арендовали у варзужан двиняне. Узнав об этом, жители Варзуги заявили, что ловить рыбу в своих угодьях монахам не дадут. Монахи подали царю челобитную, прося защиты от «насильства», которое причинило им «великие убытки». Царь приказал взыскать убытки в двойном размере и предупредить крестьян, чтобы они впредь «в те угодья, которые

пожалованы Троицкому архимандриту, не вступались и насильственно рыбу не ловили». Помня страшную расправу опричников, варзужане вынуждены были отступить перед объединенными силами монастыря и государства.

Став обладателями угодий, монастыри стремились извлечь из этого максимум пользы. Они отдавали промысловые и другие угодья «исполу», другие, более доходные, эксплуатировали сами, посылая на промысел зависимых от них людей.

В XII–XV вв. монастыри сыграли положительную роль в освоении Севера. Они энергично развивали свое хозяйство, заводили рыбные и зверобойные промыслы, устраивали солеварни, вели добычу слюды и жемчуга. Привлекая крестьян, они способствовали заселению необжитых мест, участвовали в обороне Севера от нападения иностранных захватчиков. Но в начале XVII в. монастыри начинают утрачивать свое прогрессивное значение: стали жить за счет народа, не принося ему никакой пользы. Во второй половине XVII в. наблюдается упадок монастырского хозяйства. Некоторые из них к этому времени уже не могли сводить концы с концами и государство вынуждено было выдавать из казны деньги на содержание монастырской братии.

Ход исторического развития вел к ослаблению материального могущества церкви. Падение патриарха Никона (1656–1666 гг.), пытавшегося поставить духовную власть выше царской, свидетельствовало об утрате былых позиций церкви в общественно-политической жизни страны. Борьба народных масс против эксплуатации монастырей вела к подрыву их хозяйственной мощи, побуждало правительство привлекать монастыри к несению повинности (до этого монастыри были освобождены от всяких повинностей). Северные монастыри, в том числе и Соловецкий, лишились такой доходной статьи своего бюджета, как солеварение – к этому времени появился сильный конкурент в Камско-Вычегодском крае. Были и другие причины упадка монастырского хозяйства. Это многоначалие, неумение вести хозяйство, слабый надзор за расходованием материальных средств, ведение праздной жизни служителями монастыря.

Во время Северной войны (1700–1721 гг.) царское правительство, остро нуждаясь в деньгах, стало отдавать монастырские промыслы на откуп – «кто больше даст». Эта система еще больше

Монастыри богате-
ли за счет своих вотчин. Кре-
стьяне гневно протестовали
против непосильных поборов
и притеснения. В правитель-
ство поступали донесения о
волнениях монастырских кре-
стьян.

В 1757 г. императрица
Елизавет. Петр. решила изъять у
монастырей земли.

подорвала монастыри. В 20-х годах XVIII в. все вотчины, отданные на откуп, были возвращены монастырям, а привилегии урезаны — часть своих доходов они должны были отчислять в государственную казну.

Чтобы не тошала монастырская казна, монахи стремились восполнить ее за счет усиления эксплуатации крестьян. Крестьяне гневно протестовали против непомерных поборов и притеснений монастырей. Правительству поступали донесения о волнениях монастырских крестьян. Некоторые приходилось усмирять силой. В 1764 г., после длительных колебаний, под напором народных масс Екатерина II вынуждена была подписать указ «о домах архиерейских, монастырских и других духовных вотчинных местах», по которому все церковные земли и крестьяне передавались в ведение специально созданной Коллегии экономии. Карело-Печенгский монастырь, как разорившийся, был ликвидирован. Лишился своих многочисленных земель и крестьян Соловецкий монастырь. В отличие от государственных крестьян, «экономические» должны были платить сверх всех налогов «полуторарублевый оброк», из которого выдавалось пособие духовенству, лишенному вотчин. Экономическим крестьянам были переданы все угодья, которыми они пользо-

вались накануне реформы. Крестьяне освобождались от власти монастырских и синодальных приказчиков. В результате реформы у крестьян Беломорья создались благоприятные условия для ведения своего хозяйства. Таким образом, реформа 1764 г. была прогрессивным мероприятием.

Крестьянская война 1667–1671 гг. заставила царское правительство пойти еще на некоторые уступки торгово-промышленному населению. Манифестом от 17 марта 1775 г. были отменены сборы с рыбной ловли, зверобойных и птичьих промыслов, салотопен, кузниц, мельниц, жилых помещений, сдаваемых внаем, бань, амбаров. По указу от 28 июня 1780 г. прекращалось взимание пошлин с судов и людей, приходящих на Мурманский берег для рыбных и сальных промыслов. До этого указа с каждого мореходного судна при выходе на промысел взыскивалось по 1 руб. 20 коп., а при возвращении с промысла – 50 коп. Отменены были обременительные для населения казенные службы. Продажу «кабацкого питья» передали на откуп местным торговцам, которые стали заниматься им как предпринимательством.

Делая такие уступки, господствующий класс стремился обрести опору в лице буржуазных элементов. Вместо духовных вотчинников, монастырей-монополистов и феодалов, потерявших авторитет в народе, их место заняли более влиятельные и сильные люди – купцы и богатые промышленники. Отмена торговых ограничений и ликвидация вотчинного землевладения повысили деловую активность приморского населения. В Беломорье и на Мурманском берегу стали интенсивнее развиваться рыбные промыслы, торговля, частное предпринимательство. Указ 1780 г. способствовал ускорению развития производственных сил Севера.

Ратная хроника

Хозяйственное освоение Беломорья проходило в обстановке непрекращающихся враждебных действий со стороны соседских государств: Швеции, Финляндии, Дании, владевшей тогда Норвегией. Еще в IX в. земли Беломорья были объектом грабежа норвежских викингов, шведов и финнов. Военные столкновения между «мурманами и русскими» происходили в 1271, 1279, 1302, 1303 гг. Русские совершали ответные набеги на «Мурман». Походы эти бы-

ли сложными и трудными, боевые действия не всегда кончались удачно. Так в 1320 г. двинская флотилия потеряла в сражении целый экипаж боевого судна. Летопись того времени отмечает: «Лука ходи на мурманы, и немцы (иноземцы) избиша ушкой Игната Малыгина».

Но опасности не останавливали русских, они продолжали совершать ответные набеги. В 1323 г. был организован более крупный поход, в нем участвовали карелы и саамы. Поморские корабли проникли далеко на запад, разгромили войско и сожгли замок правителя Норвегии. В 1323 г. Норвегия и Новгород подписали мирный договор, но взаимные набеги не прекратились. 1349 год – «ходиша новгородцы и двиняне на мурманы», 1411 – «ходиша из Заволочья на мурманы и повоеваша их», 1444 г. – «ходиша карела на мурмане, избиша их и повоеваша, и пленивша, и приидоша здорове». В 1419 г. пятьсот «мурман» приплыли на ботах и шняках в Белое море, «повоевали» Карельский погост на Варзуге, после чего отправились разорять селения онежан и двинян. Им удалось разграбить и сжечь часть деревень. «Заволочане, – говорится в летописи, – две шняки мурман избиша». Остальные завоеватели спаслись бегством. Своими действиями норвежцы и финны ставили цель изгнать русских из Беломорья и завладеть им.

Конец XVI – нач. XVII вв. были очень сложными для России. Частыми воинами с Польшей успешно пользовалась в своих захватнических целях Швеция. На побережье Белого моря участились набеги финнов, шведов и других завоевателей. В 1579 г. шведские войска вторглись в Беломорье, в 1590 г. они сожгли и разграбили Умбу, Кереть, Кемскую волость, население либо было убито, либо взято в плен, лишь немногим удалось скрыться в лесах и суземах. Документы тех лет рассказывают: «А та Кемская волость и церкви и божий двор монастырский и крестьянские дворы... от немецкие воины все пожжены, а крестьяне побиты, а иные в полон пойманы, а которые от немецкие воины остались, и те по своим дворовым местам живут в шалашах и ослонях (типа шалаша), а иные по своим дворовым местам избенца ставят». Предводитель шведских войск С. Педерсон о походе в Беломорье доносил: «Первоначально подошли к городу Великие Сумы, выжгли его до основания. На Белом море взяли два судна, нагруженные семгой, которую разделили. Тут же сожгли мы до 14 солецренных майданов

(соляные варницы), названия которых я узнать не мог, с таким же количеством амбаров, наполненных белой солью до самой крыши. Большие железные котлы (сковороды) от 6 до 8 метров разбили на мелкие куски... Попортили также ихние рыбные ловли (семги) по всему Белому морю. Вот тот вред, который мы нанесли неприятелю на Белом море». Комментарии, как говорится, излишни. Повоевали с безоружными поморами, разграбили, разбили, сожгли...

Есть на реке Онеге село Турчасово. Упоминается оно вместе с Каргополом как посредник в соляной торговле с Поморьем. Град Турчасов считался одним из древнейших поселений новгородцев на Онеге. В одном из документов второй половины XVI в. говорится: «На Онеге, на Емецком волоку, монастырек убогий, а в нем церковь Благовещения Пресвятыя Богородицы древяна, стоит без пения, и церковного строения нет ничего, а в том монастырьке живет в кельях старец Осей... И в разорение литовские люди в той пустыньке старцев посекали». А вот еще одно упоминание о грабительских набегах иноземцах: «Свейские немцы ходили на Двину, на Колмогоры (Холмогоры) и в Турчасово». Не зря в ту пору в Турчасово стояло укрепление, ведь само слово «турчас» означает «дозорная башня».

С этого времени усиливается роль Соловецкого монастыря, который вместе с Кемским и Сумским острогами становится важным стратегическим пограничным пунктом на Белом море, призванным охранять северные земли России от захватчиков. В 1563 г. в Кеми по приказу московского царя была построена тюрьма, судейские избы и учреждена должность палача. Кемская тюрьма служила пересыльным пунктом для соловецких узников. В 1578 г. на Соловках и в 1591–1595 гг. в Кеми и Сумпосаде были построены деревянные остроги для охраны побережья, а в Поморских селах «караулки», из Москвы было прислано 150 стрельцов и пушки.

В конце Ливонской войны шведский король Иоанн III выдвинул программу, предусматривающую захват всего побережья Белого моря и Кольского полуострова. Шведы хотели отрезать Россию от морей, поставить под контроль ее торговые и культурные сношения с Западной Европой, превратить в зависимое государство. В начале XVII в. шведские феодалы, воспользовавшись интервенцией Польши и ожесточенной классовой борьбой внутри России, снова решили осуществить свой захватнический план, стали совершать набеги. Во время набегов иногда удавалось захватить отдель-

ные места на Белом море. Летом 1611 г. они высадились на островах Кузовах, лежащих между материком и Соловками. На одном из островов построили замок и поселение, разместили военный флот. Отсюда они пытались прорваться в Онежский залив к важнейшей водной магистрали – реке Онеге, уходящей в глубь страны. В том же 1611 г. шведы организовали поход на Колу. В то время гарнизон Колы был очень малочисленным: 63 стрелца и 5 пушкарей. Зная об этом, руководитель шведского войска Бельтазар Бек надеялся сходу взять крепость. В Москве в то время сидели поляки и ждать помощи колянам было неоткуда. Шведы начали штурм Колы с артиллерийского обстрела, пробили бреши в стенах и ворвались в крепость. Но жители оказали героическое сопротивление, в бою участвовало все население. От обороны коляне перешли в наступление, вытеснили врагов за городские ворота, многих побили и утопили в реке. Понеся большие потери, враг отступил, их корабли покинули Кольский залив. Получив кровавый урок под Колой, шведы стали вымещать злобу на мирном населении. Они рыскали по побережью, жгли поморские села, убивали мирных жителей. Остатки войска Бельтазара Бека подошли к Сумскому посаду, осадили его, но ничего сделать не могли, сумчане отбросили завоевателей.

В 1615 г. между шведским и русским правительствами начались переговоры о мире. Шведы требовали передачи им Кольского полуострова, но так как они ничего не могли добиться на Севере, их домогательства не имели успеха. По Столбовскому договору 1617 г. к Швеции перешли все прибалтийские владения России, она лишилась выхода в Балтийское море. Вот выдержка из Столбовского мирного договора – обязательства Швеции не нападать на русскую землю. «Его королевскому величеству, или Его королевским величествам, наследникам и потом, в будущем, свейским королям, не им самим, ни оным кем ни которого не учинити и учинить не велеть Российскому царствию, особенно же Новгороду, Новгородскому посаду и городу Пскову, Псковскому Посаду и городу Старой Руссе, Порхову, Гдову, Ладоге, Тихвину, Соловецкому монастырю, Сумскому и Кемскому острогам и их уездам, городу Колмогорскому, и всей Двинской земле, и лопским погостам, которые к Российскому царствию престоят, Каргополю и всей Каргопольской земле, Белоозеру, Вологде и иным его царского величества городам,

цевом и Белом морях. Покончив с польско-шведской интервенцией и внутренними неурядицами, оно стало восстанавливать военную мощь на Севере и укреплять северные рубежи.

Военные действия на Севере не прекращались и после вступления на престол Петра I. Заключив с турками в 1700 г. выгодный мир, он перенес все свое внимание на Север – на Балтику и Белое море. Ему удалось договориться с датским королем и курфюрстом Саксонским Августом II о совместных действиях против короля Швеции Карла XII. Но Карл XII внезапно высадился в Дании и вывел ее из союза с русским царем. В это время Август осадил Ригу, а Петр I – Нарву. Воинственный шведский король пришел под Нарву с войском, нанес поражение Петру, и Август вынужден был снять осаду с Риги. Карл решил, что с Петром покончено, больше он не сможет вести военных действий, погнался за Августом в Саксонию и надолго там задержался. Из поражения под Нарвой Петр сделал выводы, пополнил и усилил армию и продолжил войну со шведами. Началась длительная Северная война (1700–1721 гг.). В 1701 г. шведские корабли попытались напасть на Архангельск, но благодаря мужеству поморов нападение было отбито с большим уроном для неприятеля. На Ладожском и Онежском озерах продолжала плавать шведская эскадра, прикрывая с востока Нотебург. В Лифляндии, Исландии и на Ижорской земле успешно действовали отряды русских полководцев Шереметева, Апраксина, Репнина. Так обстояло дело в 1702 г., когда Петр I собирался выступить в поход на Карла XII из Нюхчи сухопутьем на двух фрегатах «Курьер» и «Святой Дух». Успешные военные действия в период Северной войны снова сделали Россию морской державой. Шведский король Карл XII потерпел жестокое поражение и больше не мог оправиться для серьезных боевых действий.

Сражения Северной войны коснулись Беломорья. Победа русского оружия над Швецией имела огромное значение: население избавилось от угрозы нашествий, столь памятных по прошлым временам, обрело уверенность в своих трудовых делах. Победа далась нелегко, в том числе и для поморов. Она стала возможной лишь в условиях нового времени, когда петровские преобразования вывели Россию в число сильнейших государств Европы.

Как ни велики свершения той поры, все они – итог исключительных усилий простого русского народа, ратным и трудовым

подвигом укреплявшим могущество русской державы. Не удивительно, что победа над Швецией вызвала всенародное ликование. Оно живет и поныне в величественных памятниках той поры – соборах и церквях. В Кемии до сих пор сохранился Успенский собор, являющий красоту и величие деревянной архитектуры.

После блестящей победы Петра над шведами интервенты не утихомирились. В XVIII в. жителям Поморского берега не раз приходилось встречаться в бою с датчанами. Их корабли постоянно появлялись на Мурманском берегу и в Беломорье. Враги нападали на мирные селения рыбаков, грабили, убивали, но каждый раз поморы давали отпор незванным гостям.

Население северных районов России не раз применяло оружие и против английских захватчиков. В течение только XIX в. английские военные корабли трижды появлялись в водах Баренцева и Белого морей, высаживались на берег, нападали на рыбаков, жгли села и грабили. В 1809 г. «королевские пираты» рыскали по всему северному побережью, грабили села, топили русские корабли, нападали на торговые суда и уводили их в Англию. Во время Крымской войны 1854 г. англичане снова появились. Их эскадра длительное время курсировала вдоль берегов Мурмана и Белого моря. Не было почти ни одного рыбацкого русского селения, где бы ни появлялись английские корабли, пытаясь высадить десант. Поморы старались не допускать их к берегу, мешали высадке, открывая ружейный огонь. Англичане обстреливали становища и села из пушек, зажигая дома и хозяйственные постройки, нанося вред многострадальной земле и людям. Захватчики вынуждены были уйти восвояси, но притязания, как мы увидим далее, на беломорские земли на этом не закончились.

Иностранцы, побывавшие на Севере, оставили немало впечатлений о России, о торговых путях к Онеге, Повенцу, Холмограм, Новгороду, по Онежскому и Ладожскому озерам. Но особое внимание они уделяли Поморью, которое их влекло как захватчиков и грабителей. Генрих Штаден, побывавший в Поморье в 70-х годах XVI в., представил германскому императору проект военной интервенции Беломорья. Немец по национальности, на русскую землю пробрался за легкой наживой. В Москве поступил в опричники Ивана Грозного, содержал кабаки, вместе с опричниками, проклятыми людьми, разорял и грабил русскую землю, церкви, убивал и на-

силовал женщин. Будучи сам разбойником и грабителем, он поражался бессмысленной жестокости царя и опричников, разорявших свою страну и терзавших народ хуже завоевателей. Он видел измученный народ, истерзанную Россию и трезвый смысл хозяйчика подсказывал ему, что следует воспользоваться легкой добычей. Народ, он полагал, не будет поддерживать ненавистный режим. В своем письме он предлагал «неизвестный путь или дорогу водой и сушию на Москву». Он уверял, что нужна небольшая армия, которая должна напасть на Московское государство с тыла и захватить его. А тылом он считал Север. Он писал: «Если кто хочет проникнуть в страну Великого князя, надо использовать реку Онегу. Перед устьем ее на море лежит остров по названию Кий-остров. Онега – залив и река. Вверх по реке по обеим ее берегам живут торговые люди и крестьяне до Турчасова. Турчасов – большой незащищенный посад. Здесь в первый раз взвешивают соль, которую вываривают из моря. Каргополь – незащищенный город без стен. Кемь – река. На этой реке большой незащищенный посад. Питаются сельдью и ловят семгу. Шуя карельская – бухта и незащищенный посад. Опустошен опричными. Соловки – монастырь. Лежит в море на острове, омываемом кругом, со всех сторон, так что можно подойти на кораблях и объехать кругом этот маленький остров. Сума – река и незащищенный посад, принадлежит Соловецкому монастырю. Торгуют разного рода товарами и топят ворвань. Чтобы захватить, занять и удержать страну, достаточно иметь 200 кораблей, хорошо снабженных провиантом, 200 штук полевых орудий или железных мортир и 100 тысяч человек. Так много надо не для борьбы с врагом, а для того, чтобы занять и удержать всю страну». Но плану Штадена не удалось сбыться. Пусть бы даже и собрал стотысячную армию, вооружил ее, но не захватить ему ни Онеги, ни Каргополя, а Москвы не видать бы, как своих ушей. История Беломорья знает немало таких Штаденов, которые пытались прибрать его к своим рукам, но все они были биты: финны и норвежцы, датчане и англичане, и доблестные шведы. Не было тогда хороших крепостей на Севере, и народ под царской властью был истерзан и измучен, но в поморских сердцах была неодолимая сила – любовь к своей родине, благодаря которой русские всегда побеждали, сражаясь за мирный труд на мирной земле.

Развитие культуры

Русский Север XVII–XVIII вв. не был глухой, обособленной окраиной царской России. На Белом море и Мурмане интенсивно развивалась международная торговля, купцы из Москвы, Ярославля, Вологды, Вятки, Соликамска, Новгорода и других городов встречались с купцами Англии, Франции, Норвегии, Дании. В летнее время на Мурман съезжались промышленники со всего Беломорья. Дальние поездки и встречи с разнообразными людьми, в том числе с иностранцами, моряками и торговыми людьми, расширяли кругозор поморов, знакомили с событиями в мире, с техникой западной Европы, особенно с навигационными приборами.

В Беломорье сравнительно широко была развита грамотность. Ею владели чиновники, попы, дьячки, монахи, переписчики книг, казначеи. Не только представители власти и духовенства могли читать, считать и писать, но и среди крестьян Севера грамотность по сравнению с районами центральной России была значительно выше. Простым людям грамота нужна была, чтобы делать записи и расчеты при распределении и продаже рыбы, закупке припасов, платежей, пошлин, при расчете с хозяином и работниками, ведении переписки, подачи челобитных. Обучение грамоте происходило чаще в домашних условиях. В Поморье было принято, чтобы отец обязательно имел хотя одного грамотного сына – будущую замену себе.

В XV–XVII вв. печатная литература почти отсутствовала, а если и была, то только церковная. Печатная книга составляла большую редкость, стоила очень дорого – 2 рубля. На эти деньги можно было купить две коровы, и поэтому покупка книг была не под силу крестьянам. Грамотные люди – книголюбы – переписывали книги для себя и даже сочиняли их «от себя». Большой популярностью пользовались «сборники», то есть сборники произведений на различные темы. Сборник, составленный варзужским жителем Андрианом в период царствования Бориса Годунова, содержал 285 листов. В нем были помещены 24 праздничных церковных песнопения и 36 литературных произведений: «Сказание о яйце», «О кончине века и антихристе», рассказы о чудесах, житейские наставления, «Беседы о том, как спастись» (попасть в рай после смерти), статьи,

осуждающие монахов, которые уходят из монастыря, чтобы жениться и попить.

Среди грамотных поморов было немало страстных любителей чтения. Более состоятельные из них приобретали книги для себя. Книги от жителей Севера нередко поступали в виде подарков и подношений в монастыри. Некоторые поморы вели для себя записи о событиях местной жизни, нечто вроде летописи. Совершая далекие плавания, поморы накопили обширный запас сведений о морских путях, течениях и ветрах, явлениях природы. По приметам они могли безошибочно определить изменения погоды, места скопления рыбы и зверя. Многолетний промысловый и мореходный опыт, наблюдения и мысли жители Беломорья записывали в свои книги. Так, на память себе и детям, составлялись пособия для плавания по морям: «поучения», наставления «как вести торг и знать цену».

Иной характер носило литературное творчество монахов. Они стремились выработать у трудящихся такое мышление и поведение, которое необходимо церкви и богачам-феодалам. В конце XVII в. церковники-монахи распространяли «Послание господне», заканчивающееся угрозой: «Аше кто не верует сему писанию, тот будет проклят». Рыбные и зверобойные промыслы были сопряжены с постоянной гибелью судов и людей, поэтому монахи рекомендовали поморам делать вклады в монастыри, чтобы получить покровительство святых, иметь успех на промысле, счастье в личной жизни и шансы на спасение после смерти. Монахи каждого монастыря старались поднять авторитет своей обители, ими были написаны и распространены среда крестьян «Житие соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия», «Житие Трифона Печенгского» и другие. Все это делалось для того, чтобы усилить у жителей религиозные чувства, увеличить приток пожертвователей в пользу монастырей.

В последней четверти XVII и первой половине XVIII века на Севере получили широкое распространение богословские сочинения раскольников, выступающих в защиту «древнего благочестия». Будучи противниками новых церковных обрядов, введенных патриархом Никоном, раскольники-староверы подвергали резкой критике нравы, существовавшие среди православного духовенства. В своих статьях и сатирических рисунках они высмеивали поведение попов и монахов – их пьянство, злоупотребление табаком и т.п. В 70–80-х

годах XVII века оплотом старообрядчества был Кандалакшский монастырь, а с XVIII в. до половины XIX в. – раскольничий монастырь на Верхнем Выгу – Выгорецкая пустынь. Монастыри сыграли положительную роль как распространители книг и грамотности, в сочинениях монахов содержались полезные знания – разнообразные сведения по истории, географии, медицине, о хозяйственной и политической жизни.

Хотя грамотность среди населения Севера была сравнительно высока, большинство крестьян обходилось без книг. Значительно большее значение имели устные произведения – сказки, песни, причитания, бывальщины, пословицы. Их пересказывали и пели на посиделках, вечеринках, на тонях в ожидании подхода рыбы, в промысловых избах во время непогоды – всякий раз, когда надо было скоротать время. В произведениях устного народного творчества нашли отражение мысли, чувства и чаяния народа. В поморских песнях, пословицах, поговорках отражены особенности местной жизни: «Море – горе, а без него вдвое», «Голод на Мурман гонит», «Кто на Мурмане не бывал, тот и горя не видал, богу не маливался».

В праздничные дни, на свадьбах, вечеринках исполнялись песни и пляски. Под Новый год по деревням ходили ряженые (хухольники), шутками и песнями развлекая односельчан, изображая ненавистных купцов-судовладельцев и торгашей, алчных воевод, пьяных монахов, продажных судей.

В поморских селах не было человека, который не знал бы причитаний и плачей. На причитания и плачи собирались целые деревни. О хороших плакальщицах говорили: «На свадьбе запоют – старики заплашут, на похоронах завопят – камень заплачет».

Осень в Беломорье – особое время. В сентябре возвращались домой с Мурмана промышленники, привозили рыбу, припасы на зиму, подарки. В домах поморов появлялся достаток, начинались вечеринки, гулянья, посиделки, свадьбы. Никакая свадьба, известно, не обходится без веселья, а в Поморье и без плача. Невеста, если она даже выходила замуж за любимого, по своей воле, должна была вопить, прощаясь с домом, родителями, родней, братьями и сестрами. Чувства свои она выражала в песнях-плачах, и не было такой девушки, которая бы их не знала. Перед свадьбой мать и родственницы-женщины учили девушек, как себя вести на свадьбе, когда и о

чем плакать. Например, при расплетании косы невеста, прощаясь со своей девичьей жизнью, вопила:

Ох, темнечушко-тошнехонько,
Не пристала мне девья красота,
Мне повязка красна золота,
Мне присадка скатна жемчуга.

Иногда девушку выдавали за нелюбимого и она не хотела плакать, и тогда родители нанимали плакальщицу. Подобный случай описал в своей книге «Приключения Семена Поташова, молодого помора из Нюхотской волостки» С. Писарев: «Как мать не уговаривала, Дарья плакать на виду у всей деревни отказалась. Тогда из Унежмы привезли причитальщицу. Старуха эта славилась своим искусством по всему Поморскому берегу». Если невеста умела причитать, все равно родители приглашали причитальщицу. В большинстве случаев ею была подруга невесты.

Свадьба продолжалась не один день. После сватовства, рукобитья и славы (езда по деревне жениха и невесты на лошадях с дружками и родственниками), проводился вечерок в канун дня венчания, а утром на следующий день – бужение невесты, прощальный обход родных перед венчанием и приглашение на свадьбу. В день венчания проводился «девичий» обед, затем жених дарил невесте обувь (башмаки), после этого – приезд жениха и его родни в дом невесты, чтобы взять ее к венцу. После венчания – приводный стол в доме жениха – пиршество. После первой брачной ночи теща посылала зятю блины. Блины молодым подавались в постель, молодой брал первый блин, вторым угощал жену. В половине дня начинался «денной пир». Это было шумное гуляние с песнями, плясками, вином, пивом, чаем. За столом пели свадебные и величальные песни «Виноградье красно-зелено», «По сеням-то было, сенечкам» и другие. На следующий день после блинного стола теща собирала хлебины – угощение родни новобрачного. Хлебины завершали свадьбу. На третий день после венца для молодых топили баню. Топила ее свекровь, а воду приносил свекор. После свадьбы молодые ходили «на отгостки», по родственникам, которые были у них на свадьбе.

Народный эпос

В нашей стране осталось немного мест, где сохранился былинный эпос, и одно из них – Беломорье. Север сберег для всей России золотые слитки народной памяти. Доподлинность северорусского фольклора в том и заключается, что он жил живой жизнью дольше всего на Севере и больше нигде. У песен и причитаний не было своего автора, они дополнялись и обогащались сотнями исполнителей. Из поколения в поколение переливалось устное народное слово, чтобы в наше время дать достойное продолжение – современную литературу Севера. В XIX веке, когда письменная литература в России переживала расцвет, в крестьянской среде русского Севера еще жила устная литература.

Первым сообщением о существовании былинного эпоса на Севере не поверили самые выдающиеся филологи России. С недоверием было встречено собрание былин, записанное П. Рыбниковым, Е. Барсовым. Проверить подлинность записей выехал председатель этнографического отделения Географического общества России А.Ф. Гильфердинг. Он привез «Олонецкие былины». Вскоре стали известны знаменитые сказители: Трофим Рябинин, Василий Щеголенок, Ирина Федосова, Мария Кривополенова. Лишь к концу XIX века, как продолжатели устной литературы, появились первые авторы-письменники – Николай Клюев и Алексей Чапыгин, а затем архангельские сказочники С. Писахов и Б. Шергин, которых долгое время относили к собирателям сказок. И неудивительно, ведь их писательское творчество было очень похоже на народное. Все они – выходцы из народа, в роду у них были сказители, певуны, скомоорохи. У Клюева мать, Прасковья Дмитриевна, пела русские песни, знала множество народных причетов, стихов, была исполнительницей традиционных северорусских жанров. Находим родовую связь и у Писахова. Дед его Леонтий славился как сказочник-бахарь, получая за то на промыслах лишний пай. Не зря народ лишний пай давал певцам своим за слова сокровенные. Пай этот – уважение к слову, уравнение его с делом.

На русском Севере жили выдающиеся сказители. Одна из них – Марфа Семеновна Крюкова из деревни Нижняя Золотица Архангельской области. От нее записано более 150 былин, сказок, пословicc, причитаний. Не менее знаменита Кривополенова Мария

Дмитриевна с реки Пинеги. Много сказителей было на Поморском берегу и среди них – Матвей Михайлович Коргуев. В Заонежье в конце XVIII века родился основатель династии сказителей Рябининых – Трофим Григорьевич Рябинин, поразивший Петербург исполнением русских народных былин. Его сын, Иван Трофимович, с неизменным успехом раскрывал поэзию русского эпоса во многих городах России и даже за ее пределами – в Болгарии, Сербии, Австро-Венгрии. Композиторы Мусоргекий, Римский-Корсаков, Аренский восхищались былинами в исполнении Рябининых и не раз использовали их напевы в своем творчестве. Славную эстафету сказителей подхватили младшие представители династии – Иван Герасимович Рябинин-Андреев и Петр Иванович.

Но особенно большой известностью пользовалась Ирина Андреевна Федосова, которую А.М. Горький назвал «народной поэссой». Не умея ни читать, ни писать, она удивляла своим красноречием, глубокой памятью, способностью импровизировать. От нее записаны поэмы-плачи, свадебные и рекрутские песни и причитания, былины и баллады, пословицы и поговорки. Она пела мастерски и с подлинным поэтическим творчеством. Тридцать тысяч стихов сложила и сохранила в памяти эта неграмотная крестьянка. Тридцать тысяч! Трудно даже представить всю астрономическую грандиозность этой цифры.

Часто она бывала в Петрозаводске, десятки раз выступала в Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Казани. Ее слушали тысячи людей, среди них писатели, композиторы, общественные и художественные деятели: Горький, Шалапин, Римский-Корсаков, Балакирев, Ляпунов, музыковед Ястребцов, организатор оркестра русских народных инструментов Андреев, филологи Майков, Миллер, Корш, Соболевский, Грузинский – вот далеко не полный список знаменитостей, слушавших Федосову.

Выступления ее на Нижегородской ярмарке в 1896 году знаменательны тем, что хорошо освещены в тогдашней печати, а на выступлении 9 июня присутствовал А.М. Горький. Горький познакомился с Федосовой, а затем написал два очерка о сказительнице. «Маленькая, хромая, вся в морщинах, с серебряной головой, она как-то выкатилась, а не вышла на эстраду, а выставочная публика, привыкшая видеть перед собой артистов, корректно одетых, с элегантными жестами, импозантных, с эффектами шика от прически до

конца ботинок, – публика была изумлена, видя перед собой эту хромую старушку в ситцевом платке на голове». Вот что писал Горький о пении Федосовой: «В зале раздался задушевный голос, говоривший старинную русскую былинку о Добрыне. На публику повеяло седой старинной, поэзией русского народа, простой, но могучей, такой тоскливой и удалой». Выступления Федосовой в Нижнем Новгороде имели громадный успех.

С 1895 по 1899 годы Федосова жила в доме председателя песенной комиссии Географического общества Т.И. Филиппова. Бывая у Филиппова, Ф.И. Шаляпин вспоминал об одном из вечеров: «Неподражаемо сказывала эта кривобокая старушка с веселым детским лицом о змее Горыныче, о Добрыне. Передо мной воочию совершалось воскресение сказки, и сама Федосова была чудесна, как сказка». Известный филолог Агренева писала о Федосовой: «Эта женщина – совершенно седая и сгорбленная, но полная энергии и ума. Память у этой старухи изумительная и речь красивая и оживленная. Она до такой степени проникнута духом старинной поэзии, что при всяком удобном случае говорит экспромтами, склад которых совершенно напоминает распеваемые ею старинные песни».

В марте 1918 года, во время некоторой передышки после заключения Брестского мира, В.И. Ленин, прочитав «Причитания Северного края», сказал: «Хорошая книжка!» Особенно понравились ему «Завоенные плачи». «Какой ценнейший материал, как отлично характеризующий аркачеевско-николаевские времена, эту проклятую старую военную муштру, уничтожающую человека».

«Причитания Северного края», записанные от Федосовой, были изданы в трех томах. Слава ее перешагнула далеко за пределы России. В 1896 году Федосова получила приглашение на гастроли в Америку, но по нездоровью отказалась. Газеты и журналы того времени много писали о Федосовой – было опубликовано около 200 статей, сообщений, заметок, объявлений. В 1895 году под покровительством Филиппова началась подготовка к изданию четырехтомного собрания сочинений поэтессы, однако по каким-то причинам оно не состоялось, часть записей была утеряна. Только при Советской власти творчество Федосовой и других сказителей Севера стало известно широким слоям народа.

Среди братских литератур, созданных в нашей стране, литература, рожденная Севером, занимает одно из самых заметных

мест. Имена прозаиков нашего времени Ф.А. Абрамова, Д.Я. Гусарова, В.И. Белова, поэтов В.В. Коротяева, В.А. Беднова нашли признание всесоюзного читателя.

Зодчество

Северная Русь, несмотря на огромную протяженность своих пространств, заселена была негусто. Кучно было трудно прожить, земля давала мало, а охота и рыболовство предпочитают редкую заселенность. Непроходимые леса, болотные топи оберегали жителей этих суровых земель от влияния соседей. И поэтому неповторимо русским осталось из века в век искусство северной Руси, ее деревянное зодчество. Не случайно Николай Рерих называл Север «Римом России, русской Италией». Даже сегодня, в конце нашего XX столетия, встретить куски древней Руси можно по Онеге, Северной Двине, на Каргопольщине, в Поморье и в Карелии.

Русский человек всегда хотел видеть свои города и села красивыми и «приукрашенными». На Севере люди жили небогато, но

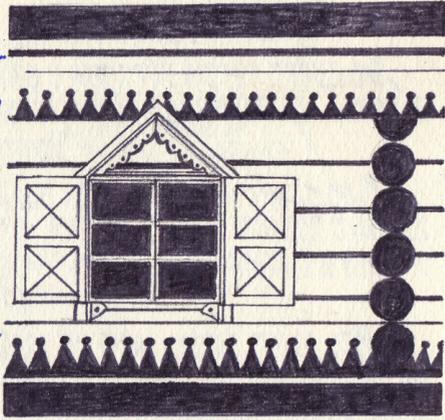
просторнее своего южного собрата, дома строили добротные, надолго. Двухэтажные избы, многооконные по фасаду, производят впечатление хором – под одной крышей дом, сарай, хлев. В более богатых домах строили горницы, боковушки, кладовки, подклеты. Не только богатые, но и крестьяне со средним достатком строили двухэтажные дома по-новгородски. Нижний этаж – место для хранения различных припасов, рыбы, снастей, верхний – для жилья. Такие дома казались выше, выглядели лучше. Дома крыли тесом, топились они по-белому, в оконные рамы вставляли слюду. Размеры дома зависели от материального достатка хозяина. Бедные крестьяне строили одноэтажные дома, в которых была лишь одна комната-кухня, дворовая пристройка – хлев для скота да сарай для сена.

На Онеге есть упоминавшееся уже мною село Турчасово. Оно известно как образец деревянной архитектуры. Красиво и плавно стоят избы. Главное украшение села – церкви. Их было две: Преображенская и Благовещенская, обе конца XVIII века, с узорной резьбой по карнизу, причудливым орнаментом, стройным шатром, завершенным шишечкой-головкой. «Как невеста изукрашена», – говорили про церкви на Севере. Если смотреть на церкви сбоку, кажутся они громадными, а с торцовой стороны – как игрушечные.

В селе Малошуйка Онежского района Архангельской области церковь XVII века стоит на взгорье. Бревна прочные, ничто не берет, внутри церковь звучная двуххрамовая, наверху – летний храм, внизу – зимний, с печью. Сохранилось в ней все убранство, даже иконостас с серебряными окладами – все, как было.

В Ворзогорах, на высоком берегу Белого моря, стоит шатровая церковь – памятник первой половины XVII века. Не зря она тут поставлена – многим поморам служила ориентиром. О ворзогорских «ориентирах» в «Спутнике помора» за 1903 год говорится: «Ворзогоры находятся от г. Онеги к западу в 22 верстах, это большая деревня на высоком песчаном берегу, церковь и мельницы этой деревни видны с моря издали и представляют для мореплавателей прекрасный опознавательный пункт в южной части Онежского залива». Много таких ориентиров было по беломорскому побережью и почти все Никольские, в честь Николая Чудотворца, считавшегося покровителем рыбаков и мореходов. Даже поговорка была такая: «От Холмогор до Колы – тридцать три Николь».

ГЛАВНОЕ УКРАШЕНИЕ села-церковь. Строительство их поручалось лучшим мастерам. Располагали их обычно в центре села, на возвышенности. Большинство церквей строили щатром, завершая главкой-шишечкой. «Как невеста изукрашена», говорили про церкви на Севере. Книжи в Карелии, Успенский собор в Кемь, церкви в Турчасово – выдающиеся памятники деревянного зодчества.

Одним из выдающихся памятников деревянного зодчества Севера является Успенский собор в Кемь. Построен он в честь победы над шведами в Северной войне. Высота собора 35,5 м. Состоит он из двухъярусных храмов-башен типа «восьмерик на четверике», группирующихся вокруг обширного помещения – трапезной. С востока к трапезной примыкает главный Успенский собор, с севера – Зосимо-Савватиевский, с юга – Никольский, с запада – галерея, сени и крыльцо.

Церкви и соборы обычно ставили на возвышенностях. Это придавало им величие и неповторимость. Мало их было похожих одна на другую. Строительство церквей – мест общения с Богом – поручалось самым искусным мастерам.

Рядом с церковью располагалась колокольня. Колокол был известен людям еще со времен глубокой древности. На Руси первое упоминание о нем относится к X веку. Колокола имели разное назначение. Небольшие клепаные колокольца – «ботала» (от слова «производить шум», «ботать») привязывали на шею коровам и лошадям веревочными или сыромятными ремнями. Колокол позволял определять местонахождение скота, отпугивал медведей, волков.

Ботала сохранилась до наших дней. Очень распространен был колокольчик «шаркун». По поверью колокол оберегал: услышав звон колоколов, дьявол бежал прочь от человека. К свадебному поезду тоже готовили колокольчики, звон должен был охранять молодоженов от злых и вредных сил. До появления колоколов на Руси в церковь призывали ударами колотушки по доске.

Колокольни, как и церкви, строили высокие, так чтобы просматривалась вся местность – деревня и ее окрестности. Глядя на колокольню, невольно сравниваешь ее с древней сторожевой башней, думаешь о колоколах, охранявших в трудные годы нашествий иноземцев просторы русской земли. В военное время на колокольнях ставили караулы, чтобы вовремя заметить незваных гостей и предупредить жителей об угрозе. Колокола звонили не только к молитве. Особый звон извещал о пожаре, звонили колокола в непогоду, указывая заблудившимся дорогу в село.

Разные колокола звонили в Беломорье. Привозили их из города Слободского Вятской губернии, с Мезени, Онеги, из Соловецкого монастыря, Холмогор, но более всего ценился «дар Валдая» из Новгорода.

Колокольные звоны – это часть старинной музыкальной культуры народа. В большие праздники каждый мог забраться на колокольню и возвонить по-своему. Колокольный звон был неотъемлемой чертой русского гуляния. Колокольные звоны разучивались при помощи поговорок и частушек, например:

А мы знаем, да не скажем,
А мы знаем, да не скажем...

В начале 40-х годов XX века многие церкви были закрыты, колокола сняты. В настоящее время многие наиболее интересные с архитектурной точки зрения церкви реставрируются. Недалеко от Архангельска, в Малых Корелах, открыт музей поморской архитектуры под открытым небом. В этом музее находится церковь XVII века, перевезенная из Кушереки, соседнего с Унежмой села. Там же музей колоколов.

Время перемен

Экономический кризис, разразившийся в России в начале XX века, охватил и Беломорье. Многие лесопильные заводы закрылись, оставшиеся сократили производство. Предприниматели увеличивали продолжительность рабочего дня до 12–16 часов в сутки, сокращали заработки, за малейшее ослушание выбрасывали рабочих за ворота завода. Все тяжелее жилось крестьянам. По-прежнему не хватало пахотной земли. Сельскохозяйственные орудия труда – соха, деревянная борона, коса-горбуша – были такие же, как сотни лет назад. Часто случался неурожай, хлеба хватало только на 2–3 месяца. Нелегко жилось и промысловикам-поморам. Купцы-судовладельцы сосредоточили в своих руках весь торговый флот, контролировали цены, за сданную рыбу платили гроши. Многие крестьяне вынуждены были искать заработки на стороне, идти бурлачить – на лесосплав, на лесозаготовки. Тяжелые условия жизни, бесправие усиливали недовольство народа. Рабочие и крестьяне начинали прислушиваться к словам немногочисленных пропаганди-

стов, в основном ссыльных революционеров. Появляется нелегальная политическая литература на лесопильных заводах Архангельска, Онеги, Кеми, Сороки. Недовольство трудящихся усиливается и в связи с русско-японской войной. На фронт отправляли отцов, мужей, братьев. Многие из них не вернулись домой. Нелегко было неграмотным и полуграмотным крестьянам разобраться в происходящих событиях.

Революция 1905 года всколыхнула всю страну. На протяжении почти целого года не прекращались забастовки на лесопильных заводах Беломорья. В городах и селах было много политических ссыльных, которые организовывали рабочих, помогали составлять требования к администрации, распространяли революционную литературу. В 1907 году революционное движение пошло на убыль, но уже в 1913 году усиливается стачечная борьба, бастуют рабочие лесопильных заводов.

Тяжелым бременем легла на плечи трудящихся Беломорья Первая мировая война. Почти половина трудоспособного мужского населения была призвана в армию. Многие предприятия закрылись, сократились лесозаготовки, продуктов не хватало, а цены на них росли баснословно. Назревала революция. В октябре 1917 года в Петрограде победило вооруженное восстание. Временное правительство было свергнуто. Узнав о победе Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, рабочие лесопильных заводов и железнодорожники Поморья под руководством большевистских организаций развернули активную борьбу против эсеров и меньшевиков, за установление Советской власти. В рабочих центрах Поморья Советская власть установилась в ноябре-декабре 1917 года, на остальной территории – немного позже.

Радостью и ликованием встретило Беломорье Советскую власть. Но радость была недолгой, пришла новая беда. Империалисты Антанты еще в 1917 году договорились о нападении на советскую Россию с севера. Вот когда, кажется, начал сбываться бредовый план немца-опричника Генриха Штадена! Начать поход они решили с Мурманска – незамерзающего порта.

Летом 1918 года интервенты высадились на Севере объединенными силами (Англия, Франция, Америка, Италия). При помощи изменников-троцкистов мурманского Совдепа им удалось захватить Мурманск. К концу июля они подготовили морской поход

на Архангельск с эскадрой в составе семнадцати кораблей. Второго августа интервенты захватили Архангельск. Началось продвижение на юг, по Северной Двине – на Котлас, по Северной железной дороге – на Вологду. Цель похода на Вологду – захват ее и продвижение на Москву, соединение с Колчаком и удушение Советской власти. Авантюра Антанты представляла большую опасность для молодой Советской республики. По решению правительства была создана 6-я армия, которая держала фронт от Печоры до финской границы. Под руководством партии советский народ готовил решительный отпор интервентам.

К осени 1918 года положение на Севере стало изменяться в пользу Советов. На Северной Двине героические бои вела Северодвинская флотилия под руководством заместителя председателя Архангельского губисполкома Павлина Виноградова. На линии Мурманской железной дороги интервенты были остановлены в июле 1918 года, по Северной железной дороге они не могли продвигаться дальше станции Плесецкая. В январе 1919 года советские войска заняли важный стратегический пункт на Котласском направлении – город Шенкурск. Интервентам был нанесен сокрушительный удар в районах Мезени, Пинеги, Средь-Мехренги. На всех направлениях – Петрозаводском, Вологодском, Котласском – Красная армия теснила врага. Планы империалистов терпели крушение.

В июле 1919 года американские, итальянские, французские войска начали эвакуацию с Севера. Их примеру последовали англичане. В сентябре англичане воровски, как и пришли, бежали из Архангельска, а в первых числах октября – из Мурманска. Остались держать фронт против красноармейцев лишь белогвардейцы генерала Миллера – слуги англо-американо-французского капитала. Но и эти долго не продержались. В феврале месяце под натиском народа они бежали кто куда мог унести ноги. Часть их уплыла на судах, часть зимой бежала по Поморскому тракту на запад, в Финляндию и Норвегию.

Империалисты разграбили и разорили Беломорье. Рыбные промыслы пришли в упадок. Рыболовного флота и половины не осталось, со снастью было того хуже, осталась лишь четвертая часть того, что было до империалистической войны. После изгнания интервентов в Беломорье постепенно стала налаживаться жизнь. Возникли органы управления Советской власти. Партийные и совет-

ские органы принимали меры к тому, чтобы население хотя бы частично получило нужные для рыбного промысла припасы.

Борьба за рыбу дала свои положительные результаты. За первый год путины ее было добыто 250 тысяч пудов. Еще большее развитие получила рыбная промышленность в годы НЭПа. Поморы строили шняки, бота, закупали снасть, улов рыбы год от года рос. Мурманскую треску знали теперь не только жители Беломорья, но и всего Союза.

О треске говорят иной раз нелестно. А кто ел уху, да еще с балками (тресковая печень), тот скажет: «Лучше тресковой нет. Любая рыба надоедает, а треска нет». И недаром на Севере говорят: «Тресочки не поешь – не поработаешь!» Вот тогда-то, во время НЭПа, Беломорье достигло своего наибольшего развития. В селах появились большие двухэтажные дома, зажиточные поморы открывали лавки (магазины), строили суда. К 1925–1926 годам в поморских селах Кушереке, Малошуйке, Нименьге, Ворзогорах, Колежме, Нюхче насчитывалось по 500 и более дворов, в Унежме – 120 дворов. Все, кто ходил на Мурман ловить рыбу, жили безбедно, в домах был достаток.

В 1928–1930 годах, в связи с началом тралового лова рыбы на Мурмане и созданием колхозов на побережье Белого моря, промысловики стали уезжать в Мурманск – столицу северного рыболовства. В селах по берегам Белого моря по-прежнему ловили навагу, сельдь, камбалу, корюшку, семгу, кумжу и сдавали на рыбоприемные пункты. Но ловили в основном старики, подростки, женщины. Лучшая тягловая сила ушла из поморских сел на заработки в Онегу, Мурманск, Архангельск и другие города. К началу Великой Отечественной войны села Беломорья почти опустели, стало меньше домов и жителей. Большой урон нанесла война, многие поморы не вернулись домой – погибли, защищая Родину.